

Он вернулся в замок перед ужином и писал сочинение по чарам в гостиной, когда вернулись Рон и Гермиона, ничего не подозревавшие о его маленьком приключении. Они практически подбежали к нему. Глаза Гермионы были красными, как будто она плакала. "Нам нужно с тобой поговорить", - серьезно сказал Рон, увлекая его в укромный уголок общей комнаты. Гарри недоуменно посмотрел на них.

Гермиона тихо пересказала ему разговор, который они подслушали в "Трех метлах", когда Фадж и учителя рассказывали мадам Розмерте о Сириусе Блэке и Питере Петтигрю. Гарри нахмурился, прежде чем смог сдержаться — какое право они имели разглашать личную информацию в таком виде посреди паба? — Затем он вспомнил, что это должна была быть совершенно новая информация для него, и напустил на себя испуганный вид. Это было нетрудно; он все еще нервничал каждый раз, когда слишком много думал о Блэке.

"Прости, Гарри," - пробормотала Гермиона. "Мы понятия не имели."

"Да, ну, я тоже," - сердито пробормотал он. "Я иду наверх."

Он подумал, что именно так поступил бы прежний, импульсивный Гарри Поттер, поднявшись по лестнице в спальню и бросившись на свою кровать. Он потянулся к своему сундуку за фотоальбомом, который подарил ему Хагрид, и открыл его на фотографии со свадьбы своих родителей. Там был Сириус Блэк, в его серых глазах светилось счастье, и он выглядел едва ли старше, чем на фотографии в ежегоднике. Значит, он уже проиграл Волан-де-Морту? Знал ли он, что планирует сделать?

Гарри оторвал глаза, сканируя остальную часть фотографии. На заднем плане, прячась наполовину вне поля зрения, был Ремус Люпин. Его парадная мантия была немного потрепана на локтях, но он был моложе и сиял, его темно-русые волосы были аккуратно уложены, а лицо чисто выбрито, на скуле заживал неглубокий порез. Он, конечно, понятия не имел, что его ждет.

Ему стало интересно, был ли кто-нибудь из других людей на фотографии Питером Петтигрю. Он смутно помнил фотографию мальчика в школьном альбоме: круглолицый, с волосами мышиного цвета, выглядевший так, словно готов был отпрыгнуть от собственной тени. Гарри вспомнил, как был удивлен, что он гриффиндорец, с таким страхом в глазах. Этот трусливый мальчишка выступил против Сириуса и заплатил за это самую высокую цену.

Альбом с громким стуком захлопнулся, и Гарри взмахом палочки задернул шторы, накладывая чары уединения. Он не сердился на Рона и Гермиону. Он не грустил о своих родителях и не злился на Сириуса Блэка; все это были эмоции, которые он испытал, когда услышал об этом в первый раз.

Главным чувством, скручивавшим его изнутри, было всепоглощающее чувство вины. Это был еще один секрет, который не нужно было скрывать от его друзей, но они все еще не знали правды о том, как он узнал об этом. Они не знали о карте.

Секреты просто громоздились один на другой, и Гарри с ужасом ждал того дня, когда все они рухнут.